

«Я СОДУМНИК,
СОПЕЧАЛЬНИК, СОСТРАДАТЕЛЬ
МОИХ АВТОРОВ...» 3

Интервью с поэтом
и переводчиком
Михаилом Ясновым

ТРУДОВЫЕ
БУДНИ
МАФИИ
17

ОТКУДА
ГРАЧИ
ПРИЛЕТЕЛИ
23

#2
(2272)

Книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

4 ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
ПРАВОСУДИЕ
ПО-ТЕХАССКИ

Судебная сатира
Кристофера Бакли

6 БАБУШКА
ИЗ СВЕТОГО
БУДУЩЕГО

Антиутопия Алексея
Слаповского

8 ПОЧЕМУ
ЗЕВАЕТ
МОРЕ

Сюрреализм
от Кима Мунзо

НОВОСТИ

Кому принадлежит Кафка?

Израильский суд принял постановление, по которому владельцы неизвестных рукописей Франца Кафки, 40 лет назад доставшиеся им в наследство от матери, обязаны обнародовать этот архив. По мнению исследователей, среди оставшихся после Кафки рукописей может находиться оригинал незаконченного неизвестного романа писателя. О содержании рукописей знают лишь их владельцы — сестры Ева Хоффер и Анита-Руфь Вислер, которые унаследовали их от своей матери Эстер Хоффер. Она была секретарем Макса Брода — близкого друга Кафки. Судебный процесс был инициирован Национальной библиотекой Израиля, которая оспаривает право матери сестер передавать бесценные художественные рукописи по завещанию. Две недели назад суд постановил, что если в течение 15 дней сестры не договорятся с библиотекой Тель-Авива о судьбе рукописей, они будут изъяты судебными приставами и переданы государству.

Интрига вокруг таинственных рукописей Кафки волнует исследователей 80 последних лет. Умерший от туберкулеза в 1924 году Кафка завещал Макс Броду собрать все его рукописи и сжечь не читая. Брод проигнорировал указание друга и начал издавать его работы. Он спас их в 1939 году, когда фашисты вошли в Чехословакию. Спасаясь от нацистов, он пожертвовал личными вещами, чтобы вывести набитый рукописями чемодан из страны. Среди рукописей, которые Кафка приказал предать огню, были такие знаменитые работы, как «Замок», «Америка», «Превращение». Мать нынешних владельцев рукописей была нанята Бродом для того, чтобы переписать рукописи Кафки, чей почерк был весьма неразборчив. В завещании он передал рукописи общественным архивам, но они остались у секретарши, упомянутой в завещании, как его душеприкащик.

Репортаж из рая

Экранизация романа Элис Сиболд (стр. 19)

Читайте в сегодняшнем выпуске «PRO»:
Наш колумнист Олег Новиков о будущем книг;
Профессиональное библиотечное сообщество об оцифровке фондов
и проблемах авторского права.
Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров
зарубежной литературы вы сможете найти только в PROфессиональной версии
«Книжного обозрения», распространяемого только по подписке. Подробности – на стр. 14.

НОВОСТИ

книга недели

Герои Колхиды

Многие почитатели — еще с советских времен — грузинской прозы неоднократно отмечали один примечательный момент. Когда читаешь таких авторов, как Нодар Думбадзе, Фазиль Искандер, Отар и Тамаз Чиладзе, на русском языке, в их тексте все равно слышится даже не акцент, а говор, грузинская гортанная напевность. Некоторые объясняют этот эффект античным размахом грузинских повествований — да и самой жизни, происходящей в краях, помнящих Фрикса и Геллу, Ясона и Медею, прочих героев Колхиды. Это такой нестыдный пафос, согласно которому весь мир начинается и кончается в твоей деревне — а порой это действительно так.

Размах книги Ираклия Квирикадзе включает в себя не одну только Грузию. Его герои совершают поистине титанические подвиги. Ну, или гераклические. Например, переплывают не

Квирикадзе И. **Пловец: Сб. повестей.** М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2010. – 320 с. – (Нет такого слова). 5000 экз. (п) ISBN 978-5-386-01900-6

просто какой-нибудь там Геллеспонт или там Ла-Манш, а расстояние, вдвое большее — ибо ширина того же Ла-Манша составляет всего лишь 32 километра, а дед лирического героя Квирикадзе, Дурмишхан Думбадзе, проплыл от Батуми до Поти, а это ни много ни мало 60 км. Одна милая деталь: Дурмишхан перед своим геройским заплывом, чтобы не замерзнуть в холодной воде, обмазался китовым жиром. Нет, ну скажите — откуда в Грузии китовый жир?! Но эта фактология совершенно не важна, поскольку мифы о героях не приемлют бытовой правды. Пловец Квирикадзе — не просто какой-то там спортсмен, а истинный античный герой, преоборивший стихию. Другие герои строят новый Ковчег в преддверии грядущего потопа, как священник Сандро Метревели, или повторяют пресловутый тринадцатый подвиг Геракла, оплодотворяя сотни женщин (Ноз Лобжанидзе). Они творят мифы, о которых, впрочем, знают лишь их соотечественники.

И задача автора подобна задаче Гомера — воспеть гигантомахию, вершившуюся некогда на берегах Понта Эвксинского, рассказать о жизнях и смертях, поднимавших тамошних жителей до уровня героев «Илиады» и «Одиссеи».

Дмитрий Малков

Январские утраты

Известный врач-реабилитолог и писатель Владимир Львович Найдин умер 14 января, на 77-м году жизни. Именно он поставил на ноги после серьезнейшей аварии Николая Караченцова, лечил Льва Ландау, Фаину Раневскую, Андрея Вознесенского, Василия Аксенова и многих других известных актеров, писателей, ученых и деятелей культуры. И, несмотря на такое количество известных пациентов, Владимир Львович одинаково относился ко всем обратившимся к нему за помощью. Несмотря на серьезную занятость, в свободное время Найдин писал научные работы, монографии, ироничные рассказы и повести. С 1974 года вышло несколько сборников — «Реанимация», «Реабилитация», «Интенсивная терапия» (составившие серию «Записки врача»), «Вечный двигатель», «Один день и вся жизнь» и другие.

Автор сценария фильма «История любви» («Love Story») и одноименной повести Эрик Сигал скончался в возрасте 72 лет от инфаркта в Лондоне в воскресенье, 17 января. Во вторник, 19 января, он был похоронен на одном из кладбищ в столице Великобритании. Последние 25 лет жизни Сигал страдал от болезни Паркинсона.

Эрик Сигал был профессором античной литературы в Гарварде, Йеле и Принстоне, совмещая преподавание с написанием киносценариев. В частности, он был сценаристом фильма «Желтая подводная лодка» («Yellow Submarine», 1968 год) группы The Beatles. Фильм «История любви» по сценарию Сигала вышел на экраны в 1970 году.

После того, как были начаты съемки фильма, киностудия предложила Сигалу переработать сценарий обратно в повесть. Книга «История любви», поступившая в продажу до премьеры фильма, стала бестселлером в США и была переведена на 33 языка. В 1977 году было издано продолжение «Истории любви» — «История Оливера» («Oliver's Story»), которая также была экранизирована.

В Москве на 86-м году жизни скончался писатель и публицист, автор многочисленных книг о Второй мировой войне Владимир Карпов. Он родился в Оренбурге 28 июля 1922 года. В апреле 1941 года, во время учебы в Ташкентском пехотном училище, был арестован по доносу и репрессирован. В 1942 году воевал на Калининском фронте в составе штрафной роты. За отличие в боях с Карпова сняли судимость, в дальнейшем он стал командиром взвода разведчиков и получил медаль «За отвагу». Свои первые произведения Владимир Карпов опубликовал в 1945-м. Среди наиболее известных его книг — «Командиры седеют рано», «Маршальский жезл», «Взять живым!», «Не мечом единым», «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира». В 1947 году Карпов окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, а в 1954 году — вечернее отделение Литературного института имени А.М. Горького. Прослужил более 10 лет в Средней Азии, в Туркестанском военном округе. С 1973 года был заместителем главного редактора журнала «Октябрь», с 1983-го по 1986 год возглавлял журнал «Новый мир». С 1986-го по 1991 год Владимир Карпов был первым секретарем правления Союза писателей СССР. В последние годы жизни писатель не прекращал творчества — работал над книгами о маршалах Георгии Жукове и Иване Баграмяне.

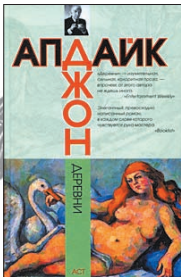
Издания, отрецензированные в номере

Аргуэльес Х. Фактор Майя	15	Некрасова Е. Три Адовы собаки	6
Арриага Г. Эскадрон «Гильотина»	8	Одебер М. Могила Греты Гарбо.	19
Бакли К. Верховные судороги	4	Прието А. Полет kota	8
Бернштам Т. Народная культура Поморья	7	Рамбо П. Хроника царствования Николя I	4
Ванденберг Ф. Восьмой грех	17	Российская корона. Князь. Цари. Императоры.	24
Вегашин В. Пробужденное пророчество.	15	Савьяно Р. Гоморра	17
Вудолл Т., Константайн С. Как одежда может изменить вашу жизнь	5	Самарский М. На качелях между холмами ...	9
Делягин М. Дураки, дороги и другие беды России	15	Санаев А. РРавда: Роман о русском пиаре ..	15
Ермаков В. Птицы радости и печали	15	Сиболд Э. Милые кости	19
Ефименко П. Обычай и верования крестьян Архангельской губернии.	7	Слаповский А. Победительница	6
Интернет и фольклор.	7	Таунсенд С. Королева Камилла.	4
Казарин В. Поэт Борис Рыжий	9	Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории	9
Каргополье: Фольклорный путеводитель	7	Трускиновская Д. Мы, домовые.	16
Краусс Ф.-С. Заветные истории южных славян	7	Файн А. Прости, мое красно солнышко.	9
Латур А. Волшебники парижской моды	5	Хабаров А. Настасья Микulichна.	9
Левкиевская Е. В краю домовых и леших ...	16	Храппа В. От адамова яблока до яблока раздора	9
Мунзо К. Самый обычный день.	8	Шелонин О., Баженов В. Ищу спасителя... ..	15
Наср С.Х. Исламское искусство и духовность	9	Шрив А. Их последняя встреча	15
Невский Ю. Железные игрушки – магнитный потолок	6	Эдед П. 23 / 118. Баллада о «Курске»	9

Выбор редакции

1 Впервые на русском языке вышел один из самых ярких и шумевших романов Джона Апдайка — великого живописателя чаяний и бед американского маленького человека. «Деревни» — история непростой жизни человека, больше всего на свете любившего секс... разумеется, со всеми драматическими вытекающими.

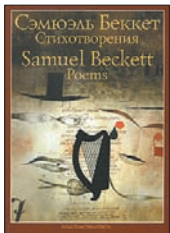
Апдайк Дж. **Деревни / Пер. с англ. Г.Злобина.** М.: АСТ, АСТ МОСКВА, 2010. – 320 с.

2 В этом необычайно интересном и очень изобретательно оформленном издании представлены рисунки, эскизы костюмов и декораций, фотографии и мемуары из архива художника Михаила Ларионова, посвященные легендарному «Русскому балету» Дягилева. Архивные материалы сопровождают комментарии, составленные по свидетельствам создателей и участников спектаклей.

История «Русского балета», реальная и фантастическая. М.: Издательская программа «Интерроса», 2010. – 432 с. – (Первая публикация).

3 Стихотворения Сэмюэля Беккета издаются в России впервые. Поэзия автора «Вождения Годо» представлена здесь на трех языках: в русских переводах и в оригинале — на английском и французском. Снабженный подробными комментариями сборник охватывает наследие Беккета-стихотворца с 1930-го по 1989 год.

Беккет С. **Стихотворения / Пер. с англ. и фр. и коммент. М.Дадяна и М.Полцовой.** М.: Текст, 2010. – 269(3) с.

Михаил Яснов

персона

«Если ты полюбил невозможное — переводи!»

Беседовала Мария Шабурова

Поэт и переводчик с французского Михаил Яснов переводит поэтов, знакомых и близких русской культуре XX века — Поля Верлена, Артюра Рембо, Гийома Аполлинера, Жака Превра, Поля Валери, Жана Кокто, Эжена Ионеско. Для него важно его собственное восприятие текста, возможность по-новому взглянуть на источник и представить его читателю. Его профессиональное кредо выражено формулой: «Перевод — это искусство потерь».

— Расскажите, как вы пришли к переводу, что закончили, почему выбрали именно французский язык?

— В детстве я очень любил старые тома Лермонтова и Шекспира с завораживающими гравюрами. Я доставал кальку, накладывал ее на эти гравюры и перерисовывал все, что попадалось под карандаш. Потом еще долго мне попадались копии красавцев и красавиц, пейзажей и интерьеров — они жили своей жизнью и по-своему иллюстрировали то, что оставалось в памяти после чтения. Может быть, тогда и был запущен в душе механизм поэтического перевода, которым я со временем стал заниматься. Я окончил обычное русское отделение филфака Ленинградского университета, но мне повезло на учителей — в переводе ими стали, прежде всего, Эльга Львовна Линецкая и Ефим Григорьевич Эткинд. От них все и пошло. От них — и от любви к французской поэзии.

— Почему вы выбрали именно тех авторов, которых переводите: Бодлера, Верлена, Рембо, Аполлинера, Кокто, Превра?... Были ли обращения к более ранним или более поздним авторам?

— Моя любимая эпоха во французской литературе — «золотой век» ее поэзии, от Бодлера до Превра: парнасцы, «проклятые поэты», символисты, Аполлинер... Поэты, в судьбах которых отразились горести и прозрения времени. Поэты, с которыми мне хотелось бы встретиться и поговорить. На самом деле интересы шире. Полтора десятилетия назад мы готовили с Еленой Баевской в «Литературных памятниках» ее перевод «Сирано де Бержерака» Ростана — я окупился в XVII век, в стихи и прозу самого Сирано, его сотоварищей и недругов: это была радость необыкновенная! Французский XVII век еще требует своего прочтения, так же, как и XX-й.

— Эти авторы — любимые во французской литературе? Кого вы любите из тех, кого не переводили?

— Само собой разумеется, существует тьма поэтов (и прозаиков, конечно), которых я не переводил или переводил совсем немного, но которые по разным причинам к себе притягивают: среди тех, кто, как говорится, на рабочем столе, — Жюль Лафорг, Франсис Карко и совершенно уникальный Марсель Швоб. Был бы я издателем, обязательно

открыл бы серию европейского «междувековья», конца XIX — начала XX века, — слишком много аллюзий и ассоциаций связывает эту эпоху с нашим временем.

— Вы переводите и прозу, и поэзию. Согласны ли вы с фразой Жуковского о том, что «переводчик прозы — раб, переводчик поэзии — соперник»?

— Нет, не согласен, хотя формула красивая. При переводе я не раб и не соперник, я содумник, сопечальник, сострадатель моих авторов. Меня учили: перевод получился, если становится фактом культуры. Рабство свою культуру отменяет, что до соперничества, то это скорее из области околотитурной жизни. Мне куда милее формула Михаила Лозинского: «Перевод — это искусство потерь». Всегда имею ее в виду, особенно при переводе стихов, когда необходимые потери замещаются свободой находок.

— При переводе этих авторов — Бодлера, Рембо, Верлена... — насколько важно знать эпоху, биографию, образ жизни и т.д.?

— Мне — важно. Ведь в идеале при переводе возникает последовательность иерархий: как стихотворение сочетается с соседними по циклу или книге, как эта книга вписывается в конкретный период творчества, как этот период соотносится со всем, что написал поэт, как в этом тексте отразилась биография и время и как этот текст отразился в биографии и в эпохе... Цепочка довольно длинная. И, конечно, очень важны детали.

— В чем отличие ваших переводов от предшественников? Есть ли переводческие удачи, которыми вы особенно гордитесь? Или, скажем, приведите пример, когда долго не могли справиться с переводом, отдельной строкой, а затем решение внезапно пришло.

— С моим большим другом, французским переводчиком русской литературы Андре Марковичем, мы часто говорим о том, что, по идее, каждое поколение должно бы заново переводить всю мировую литературу. Эта тема очень греет душу — как недостижимый идеал. В принципе, каждый переводчик стремится к тому, чтобы создать контекст той литературы, которую он переводит. Андре, например, перевел огромную антологию русской поэзии, чтобы наконец подступиться к Пушкину. Все переводчики разные, у каждого свои задачи, свои находки и свои

неудачи. Я думаю, у меня перевод получается, когда я его пишу как собственное стихотворение, когда совпадает круг необходимых ассоциаций, а главное — совпадает дыхание. Дыхание в стихах вообще вещь личная и неповторимая. Из этого вырастает индивидуальность переводчика.

— А есть ли имена, которые, вероятно, никогда (или в ближайшем времени) не найдут своего переводчика? Или авторы, которых невозможно перевести?

— Есть две точки зрения. Одна из них, довольно распространенная: перевести вообще ничего нельзя, слишком велики потери, поэтому хороших переводов не существует. Я убежденный сторонник противоположного мнения: даже если не переводятся отдельные фразы, детали, образы, звуковая и словесная игра, безусловно, можно перевести любой текст в целом. Просто возрастают, и порой значительно, трудности. При переводе стихов надо не бояться самых неожиданных и отдаленных замещений, если при этом сохраняется дух и значение оригинала. И всякий раз — это огромная работа интуиции. А дальше — либо пан, либо пропал. Конечно, невыносимо сложно переводить поэтов, укорененных в родном языке, отсылающих скрытыми цитатами к своим предшественникам или пародирующих современников. Поэтому так велика роль общего контекста, о котором мы уже говорили. Наверное, далеко не все написанное тем или иным поэтом можно (да и нужно) переводить. Нам, конечно, страшно повезло с языком, с русской просодией, но, бывает, что и она буксует. И все-таки, если ты полюбил невозможное, — переводи!

— Как изменилась ситуация с переводами, переводческими школами, профессионализмом за те годы, что вы занимаетесь переводом? Влияет ли сегодняшняя финансовая ситуация на качество переводов? Реально ли современному переводчику прожить только своей профессией? Каков уровень современных переводчиков?

— Я полагаю, что разговор о школах поэтического перевода это, в основном, наследие советской мифологии. Скажем, вроде бы существовавшая петербургско-ленинградская школа, рожденная первыми значительными опытами теории и практики отечественного перевода XX столетия,

почти сразу же оказалась разведенной с параллельно складывавшейся московской школой, — однако не в подходах, в уровне осмысления общих положений или внутренних проблем, а скорее в области книгоиздания, идеологии и социального бытования переводчиков. Представления о школах перевода диктовались не творческими, а сопутствующими творчеству причинами, вызванными прежде всего жесткой централизацией и контролем культуры. Сегодня более чем очевидно, что проблемы были привнесены извне. Чем переводческая школа москвича Ваксмахера отличалась от школы москвича Штейнберга, а школа Штейнберга от школ ленинградок Линецкой и Гнедич? Только тем, что у классных досок стояли, а за партами этих школ сидели разные люди со своими индивидуальными творческими установками. Но одновременно все были приверженцами одной школы, одной мощной традиции — русского художественного перевода. Что до финансовой ситуации, то, к сожалению, с годами она складывается не в пользу переводчика. Особенно переводчика поэзии.

— Расскажите о работе над последней книгой переводов Превра.

— Превр — это как раз и есть пример той самой юношеской любви. Я очень признателен Михаилу Павловичу Кудинову за его когдатошние переводы из Превра — они отсылали к оригиналу, а там начиналась расширяющаяся Вселенная: Превр песен, Превр кино, Превр на стыке поэзии и графики, Превр-лирик и Превр-сюрреалист... Вот этому последнему Превру и я хотел отдать дань в билингве, вышедшей в издательстве «Текст», тому Превру, который по воле известных обстоятельств был вычеркнут из сознания советских читателей. Как раз перед выходом Превра там же, в «Тексте», мы издали большой сборник стихотворений Пикассо — параллели многому учат, особенно когда исследуешь разные приемы и ходы в поэтическом творчестве. Для меня, кстати, еще очень важен «детский» Превр (как и вообще франкоязычная детская поэзия, работающая «внутри» языка) — мои собственные уже многолетние штудии в поэзии для детей, в принципе, лежат в той же плоскости речевого осмысления психологии ребенка.

4 В юности Фредерик Ланберг мечтал писать книги, но стал грозным критиком, которого ненавидит и боится весь литературный Париж. Работа ему опротивела, друзей нет, любимая женщина погибла. Он больше ничего не хочет и ни во что не верит, а новая жизнь дожидается у порога, в загадочном послании от незнакомки. Кто же скрывается за подписью «Карин»?

Ковеларт Д. ван.
Чужая шкура / Пер. с фр. И.Волевич.
М.: АСТ, Астрель, ВКТ, 2010. — 480 с.

5 В настоящее издание полностью вошли четыре «книги нонсенса», вышедшие при его жизни. Кроме знаменитых стихов и песен, они включают чепуху иных жанров: лимерики, дурацкую ботанику, дурацкую кулинарию, дурацкие азбуки и прочее. Сверх того, в книгу входит ряд стихотворений, опубликованных посмертно.

Лир Э.
Большая книга чепухи / Сост. Г.Кружков; Пер. с англ. Г.Кружкова, С.Маршака, Д.Крупской, М.Бородицкой, И.Комаровой, Д.Смирнова.
СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010. — 288 с.

6 Сборник включает материалы, опубликованные в естественно-научном академическом журнале «Природа» (№1 за 2009 год), который был посвящен 175-летию со дня рождения великого ученого. В работе над изданием участвовали сотрудники Музея-архива Д.И.Менделеева при Санкт-Петербургском государственном университете.

Дмитрий Иванович Менделеев: Диалог с эпохой / Антология.
М.: Октопус, 2010. — 272 с.

7 Все начинается с исчезновения девятилетнего мальчика, Роберта Клива-Дюфрена. Пропавшего ребенка находят повешенным на суку дерева во дворе его дома. Убийца не оставил следов, и следствие заходит в тупик. Семья сокрушена: мать погружается в себя, отец уезжает. По прошествии десяти лет сестра мальчика, которой в пору убийства было всего два года, решает отыскать и покарать виновного.

Тартт Д.
Маленький друг / Пер. с англ. А. Галль.
М.: Иностранка, 2010. — 480 с.